Есенин

Сергей Александрович

Собрание Стихов

Поэм

Н.З.

1922

Изд. З. И. Гржебина
Москва. Петербург. Берлин

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

ЕСЕНИН

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

СОБРАНИЕ СТИХОВ И ПОЭМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН * ПЕТЕРБУРГ * МОСКВА
1922

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten

Copyright 1922 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Типография Шпамера в Лейпциге

РАДУНИЦА

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришол на эту землю
Чтоб скорей ее покинуть.

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком,
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить
Доверясь призрачной звезде
И в счастье ближняго поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел
Я говорю с самим собой
Счастлив кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив кто в радости убогой
Живя без друга и врага
Пройдет проселочной дорогой
Молясь на копны и стога.

Шол Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищаго дорогой,
На тропинке с клюшкою железной,
И подумал: — Вишь, какой убогой
— Знать, от голода качается, болезный.

Подошол Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь . . .
И сказал старик, протягивая руку:
— На, пожуй . . . маленько крепче будешь.

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным,

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа;
— Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста.

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо,
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драчонами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

По селу тропинкой кривенькой,
В летний вечер голубой,
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
— До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть.

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни.
А девчоночки лукавые
Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками
Развевалися платки.
По полям, бредя с кошолками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остольние деньки.

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа . . .
Не видать концы и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом.
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

Я пастух мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шопот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса . . .

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год,
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опёнок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый ослёнок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтирь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На ослёнке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели,
И кричат ему: «Осанна!»

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки,
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон . . .
По тени от ветлы веретенца
Богомолки идут на канон.

Край ты мой заброшеный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий
«Спаси Господи люди твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся братья о вере
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по больнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки молясь и вздыхая
Говорили промеж мужики:
Колосилась-то ярь не плохая,
Да сгубили сухие деньки.

На коне черной тучице в санках
Билось пламя-шлея . . . синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

Чорная, потом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить.

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь . . .
Грустная песня, ты — русская боль.

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слухают ракиты
Посвист ветряной . . .
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.

ГОЛУБЕНЬ

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый-месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, —
И кажется с тропы далекой
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым,
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О, сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты как я, в печальной требе,
Забыв кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб уральского хребта.

В том краю где жолтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочом ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щок.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту скрывая нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому-ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О, други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Во след и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи,
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору:
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая уворит скользкий ров . . .
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

Нощь и поле, и крик петухов . . .
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу . . .
Но тревожит лишь помином тишь
Из-за печья пугливая мышь.

О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака как слива
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
На перекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный . . .
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

ГОЛУБЕНЬ

В прозрачном холоде заголубели долы,
Отчетлив стук подкованных копыт.
Трава поблекшая в расстеленные полы
Сбирает медь с обветренных ракит.

С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох
И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих ног.

*

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, ни к битве, ни к пожог
Влекут меня незримые следы, —
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

*

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепившись руки в желтый крутосклон.

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хрустом мысленно кусаю огурцы.
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята лежками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

*

Опять передо мною голубое поле,
Качают дужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор лишает на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

Колокольчик среброзвонный
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

Запели тесаные дроги
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О, Русь, малиновое поле,
И синь упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгоньщик грубый
На перегонных полях.

Сердце не ласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще,
В землю вопьются рога . . .
Снится ей белая роща
И травяные луга.

Под красным вязом крыльцо и двор,
Луна над крышей, как злат бугор.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды — озимый сев.

Взрастает нива и зерна душ,
Со звоном неба спадают в глушь.

Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.

В меже под елью, где облак тын,
Мне снились реки златых долин.

И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов.

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.

С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.

Дрожат их головы над тихою водой
И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут новый день.

* * *

Весенний день звенит над конским ухом
С приветливым желаньем к первым мухам.

Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон прилипший на копытах,
То тонет в воздухе, то виснет на ракитах.

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.

* * *

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о, родина, сложил я песню ту.

О товарищах веселых,
О полях посеребренных,
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки,
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

Весна на радость не похожа
И не от солнца жолт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

Алый мрак в небесной чёрни
Начертил пожаром грань.
Я пришол в твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Не легка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и ширь
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.

Прощай родная пуща,
Прости златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать,
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

Покраснела рябина
Посинела вода.
Месяц всадник унылый
Уронил повода.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Волга под ивой
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Для закатного жертва
Искупила весь грех
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожди
Все теплей и теплей . . .
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.

Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.

В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

Есть радость в душах топтать твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.

Но краше кротость и стихший пыл,
Склонивших веки пред звоном крыл.

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер чорный
И луна, как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрпкий,
И плакучая лищуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву . . .
Вон, уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Ни с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо, словно вымя,
Звезды, как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли . . .
И со щок заката
Спрыгнут скулы-дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

ЛИСИЦА

А. М. Ремизову.

На раздробленой ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась
И язык на ране застывал.

Жолтый хвост упал в мятель пожаром,
На губах как прелая морковь . . .
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

О, Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет одетый светом
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край,
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С безкудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц,
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег, и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь,

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

Гляну в поле, гляну в небо,
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор веленых
Златоструйная вода.

О, я верю, знать, за муки
Над пропащим мужиком —
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья матерь сыну
Колоб.

Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.

Заигрался в радости младенец
Пал в дрему.
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила Божья матерь сыну
Советы.
Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб
— Месяц.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогова гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров . . .
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Где ты, где ты отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Не прихоженный песок,
Где ты, где ты отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь,
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сомном стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел.

О, Матерь Божья,
Спади звездой.
На бездорожие,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь.
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, славя день.
Земного рая
Святой младень.

О, пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы свищут вёрсты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О, край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров
И пас со мной Исайя
Моих златых коров.

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в на ши сани.

Л. И. Кашиной.

Зеленая причоска,
Девическая грудь,
О тонкая березка
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чом звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
— О, любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубко
Сказал под звон ветвей:
— Прощай моя голубка
До новых журавлей.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о, белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив! . . .
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

Серебристая дорога
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть к вратам Господним
Сам себя я приведу.

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржот он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

О, верю, верю счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О, верю, верю счастье есть.

Звени, звени златая Русь,
Волнуйся неуёмный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье
Благословенное страданье,
Благословляющий народ,
Люблю я ропот буйных вод.

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезды учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному,
И сбирать на дороге колосья
В обнищалую душу — суму.

Но равнинная синь ни лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть? . . .
Золотистой метёлкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
— Будь же холоден ты живущий
Как осеннее золото лип.

Вот оно глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй златое затишье
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок . . .
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щок!

Проплясал, проплакал дождь весенний
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза . . .

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил.

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжолых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер
Да ненужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других,
Но все так же день взойдет с востока
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа.
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат . . .
Или, Или, Лима Савахвани
Отпусти в закат.

О, муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю,
За то что ты окрепла,
За то что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих,
За отческую щедрость
Наставников твоих.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Равумниковский лик.

Тогда в веселом шуме,
Игривых дум и сил,
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей,
И весом тяжелей . . .
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоет в нас,
Чтоб звон твоей лампады
Под ветром не погас.

ТРЕРЯДНИЦА

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его чорная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья — кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилица,
Люблю когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи теплются пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну . . .
О, еслиб прорости глазами,
Как эти листья в глубину.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита жолтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И не обмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все также будет жить,
Плясать и плакать у забора.

О, Боже, Боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючдами звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас,
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаря
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь.
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережот голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем,
Тем, кто листьев целует дождь.
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать,
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причосывая языком
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать,
И так долго, долго дрожала
Воды не замерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Закружилась листва золотая,
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы на стог улыбаясь
Мордой месяца сено жевать . . .
Где ты, где моя тихая радость,
Все любя ничего не желать?

Клюеву

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь,
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошол, как прежде, мимо крова.
О, друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе, о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница крылом махая
С земли не может улететь.

По осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «Ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц купаясь в снегу
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

ПЕСНИ ЗАБУЛДЫГИ

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей!
Режет серп тяжолые колосья
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью по утру.
Перевязана в снопы солома
Каждый сноп лежит как жолтый труп.

На телегах как на катафалках
Их везут в могильный склеп овин.
Словно дьякон на кобылу гаркнув
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно без злости
Головами стелят по земле,
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет
Что солома это — тоже плоть! . .
Людоедке мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто
Выпекают груды вкусных яств . . .
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припёк окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей . . .
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам,
Плюйся ветер охапками листьев
Я такой же как ты хулиган.

Я люблю когда синие чащи,
Как с тяжолой походкой волы,
Животами листвой хрипящими
По коленкам марают стволы.

Вот оно мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи полночь луны-кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит чорная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал как в ночи кипит
Кипячоных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся безумный ветр,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»
Я и в песнях как ты, хулиган.

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом
То наверно был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
— Ничего! я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет. —

И теперь вот, когда простыла,
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг . . .
Если раньше мне били в морду
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! я споткнулся о камень
Это к завтраму все заживет! —

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты как ветер затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя чорная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав! . .
. . . Так охотники травят волка
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал . . . и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки . . .
Вдруг прыжок . . . и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе зверь мой любимый.
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я отвсюду гонимый
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу . . .
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Сторона-ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В чорной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов
Словно мельник несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.
Коль несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,
Но увы! Все одно и тож!
Видно слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце, под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
— Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже,
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь . . .
Будь же ты во-век благословенно
Что пришло процвесть и умереть.

ЮНОШЕСКИЕ ПОЭМЫ

МАРФА ПОСАДНИЦА

1

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула, —
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище чорное из дулейки вынула.

Роскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние;
Услыхали Ангелы голос человечий,
Отворили наскоро окна-ставни горние.

Возговорит Марфа голосом серебряно:
— Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой Московскою извольно повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:
— Что нам Московия, — как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым:
— Быть так, — кротко молвила, чорны брови сдвинула, —
Не ручьи-брызгатели выцветням росяновым . . .

2

Не чернец беседует с Господом в затворе —
Царь Московский Антихриста вызывает:
— Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада:
— Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!

Вынул он бумаги — облака клок,
Дал ему перо — от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит Антихрист земным гудом!
— А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!

— А откуль гроза, когда ветер шумит? —
Задает ему царь хитрой спрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
— Этот ответ с собой ветер унес . . .

3

На соборах Кремля колокола заплакали,
Собирались стрельцы из дальных слобод;
Кони ржали, сабли звякали,
Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловал бочку с вином.
Бабы подолами слезы утирали, —
Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили по полю:
— Берегись ты теперь, гордый Новоград!
Пики тенькали, кони топали, —
Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возговорит царь жене своей:
— А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем подушки голов расстелю в овраге.

— Государь ты мой, — шомонит жена, —
Моему ль уму судить суд тебе! . .
Тебе власть дана, тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одноей судьбе . . .

4

В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.

—Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к Новоградским дверям!

Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленое;
Села Марфа за расшитою тесьмой:
— Уж ты, счастье ль мое загубленное!

И писал Господь своей верной рабе:
— Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою Антихристу . . .

А и минуло теперь четыреста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский шум?

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он Новоградскую зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаш!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой ты! Новгород, родимый наш!

Как по быльнице тропинка пролегла;
А пойдемте стольный Киев звать!
Ой ли вы, с Кремля колокола,
А пора, небось, и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит наш с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.

МИКОЛА

1

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шолковые чотки,
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
— Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца.

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор . . .
Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной,
По селеньям, пустырям:
— Я, жилец страны нездешной,
Прохожу к монастырям.

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
— Помолюсь, схожу, за здравье
Православных христиан.

3

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде..

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
— О, мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в чорных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют.

Ходит странник по трактирам
Говорит, завидя сход:
— Я пришол к вам, братья, с миром —
Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома.

4

Горек запах чорной гари,
Осень рощи подожгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.

— Ой, прощайте, белы птахи,
Прячтесь, звери, в терему
Темный бор, — щекочут свахи:
— Сватай девицу-зиму.

— Всем есть место, всем есть логов,
Открывай, земля, им грудь!
Я — слуга давнишний Богов,
В Божий терем правлю путь.

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
— Миколае чудотворче,
Помолись ему за нас.

5

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

— Клюйте, ангельские птицы;
Колос — жизненный полет.
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели, словно купина.
По лощинам черных пашен —
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И как по траве окосья
В вечереющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

РУСЬ

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь, везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мглистые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что, разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как чорна смородина,
Угли-очи в подковах бровей,
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали чорные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках, из легкого золота,
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез.
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой,
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой —
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним нежданно, негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса, и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился, в далях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

УС

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что-ль под тыном,
Расставалась мать с верным сыном.

«Ты прощай, мой сын, прощай чадо,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы под полоном».

То не водный звон за путиной —
Бьет копытом конь под осиной.
Под красневу дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:

— «Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихор,
Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор била пеной, —
Вынимал он нож с подколена,
Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:

— «Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
— «Уж ты, сын ли мой, мое чадо!»

* * *

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.
Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.

Перед ним все знать да бояры,
В руках золотые чары.
— «Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!

Нацедили мы вин красносоких
Из грудей из твоих из высоких,
Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»

Молчит Ус, не кинет взгляда, —
Ничего ему от земли не надо.
О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает . . .

* * *

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под божницей.
Вот прошло-проплыло уж второе лето,
Снова снег на поле, а его все нету.

Подошла, взглянула в мутное окошко . . .
— «Не одна ты в поле катишься, дорожка!»
Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном.
— «Хорошо-б прижаться к золотым иконам» . . .

Села и прижалась, смотрит кротко, кротко . . .
— «На кого-ж похож ты, светлоглазый отрок?..
— «А! — сверкнули слезы над увядшим усом, —
— Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!»

Радостно светит она из угла.
Песню запела и гребень взяла.
Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на порог.
Вечер морозный, как волк, темнобур . . .
Кличет цыплят и нахохленных кур.
«Цыпушки-ципы, свет-петушок! . .»
Крепок в руке роговой гребешок.

Стала, уставилась лбом в темноту,
Чешет волосья младенцу Христу.

ФЕВРАЛЬ

ПЕВУЩИЙ ЗОВ

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
  Догорели
Синие мятели,
И змея потеряла
  Жало.

  О, Родина,
Мое Русское поле,
И вы, сыновья ее,
  Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —
  Хвалите Бога!

В мужичьих яслях
  Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
  Перед вами.
Уже славят пастыри
  Его утро.
Свет за горами . . .

Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев . . .

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, —
Но близок твой час расплаты!
Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,
Снова грозят
Содому
— Опомнитесь!

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы — яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы — гроздья винограда,
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла, и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

ТОВАРИЩ

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

«Выростешь, — говорил он, — поймешь . . .
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над чорствой горбушкой насущной пищи.

Но вот, под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся Российский
Народ . . .

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник . . .

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час . . .
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде!
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он не задаром прожил,
Недаром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты . . .

Нечаянно, негадано,
С родимого крыльца,
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

— «Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый.
Но он не пал, как трус.
Я слышу он зовет нас,
О, верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд.
Велит стоять за волю,
За равенство и труд! . .»

И ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна! . .
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули . . .
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну . . .

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

ОТЧАРЬ

1

Тучи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Голубые воды —
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи —
Что гранит гора.

2

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской мятелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дщери
Куделят кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозовый ятаг,
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря, как волчиха,
С осклабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку,
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На жолтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И ввездный покров.

3

О, чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Приявший в корузлые руки
Младенца нежного, —
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!
Я сын твой,
Выросший, как ветла,

При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поемах.
По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето.

4

Ах, сегодня весна, —
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок
И поет тишина.

Слышен Волховский звон,
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необ'емлемый шар! . .

5

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однажный
Свет ангельских юрт.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя
Тропа перед скит.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам.
Все русское племя
Сзывает к столам.

И славя отвагу
И гордый твой дух,
Сычоною брагой
Обносит их круг.

ГОСПОДИ ОТЕЛИСЬ

ОКТОИХ

Гласом моим
Пожру тя Господи.
Ц. О.

1

О, родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовеньем
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак,
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом.
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.

И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Под'ятье Божьих рук.

2

— О Дево,
Мария! —
Поют небеса, —
На нивы златые
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.

В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!

Кричащему в мраке,
И бьющему лбом,
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых.

3

О Боже, Боже,
Ты-ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

4

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

С холмов кричу я деду:
— О, отче, отзовись . . . —
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.

Не долетает голос
В его далекий брег . . .
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:

«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто все живит и зиждет —
Тот знает час и срок.

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак жолтоклыкий
Прокусит млечный пуп.

И вывалится чрево
Испепелить бразды . . .
Но тот, кто мыслил Девой
Взойдет в корабль звезды».

ПРИШЕСТВИЕ

А. Белому

1

Господи, я верую! . .
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним Апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол,
За то, что в предтечах,
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, —
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его, вои
Стегают плетьми,
И бьют головою
О выступы тьмы . . .

3

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.

О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.

— Я видел: с ним он
Нам сеял мрак!
— Нет, я не Симон . . . —
Простой рыбак.

Вздохнула плесень,
И снег потух . . .
То третью песню
Пропел петух.

4

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию Его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точит копья.
Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

5

Симоне, Петр . . .
Где ты? Приди.
Вздрогнули ветлы:
«Там, впереди!»

Симоне, Петр . . .
Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеву!»

Крикнул — и громко
Вздыбился мрак.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.

«Друг . . . Ты откуда?»
— Шол за тобой . . .
«Кто ты?» — Иуда! —
Шамкнул прибой.

Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

6

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!

Под ивой бьют Его вои
И голгофят снега твои.
О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката . . .

Трубами вьюг
Возвести языки . . .

Но не в суд или во осуждение.

7

Явись над Елеоном,
И правде наших мест!
Горстьми златых затонов
Мы окропим твой крест.

Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю — будет
Телиться твой восток!

В моря овса и гречи
Он кинет нам телка . . .
Но долог срок до встречи
А гибель так близка!

Уйми ты ржанье бури,
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!

И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем . . .

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь . . .
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь;
Звездами спеленай
Телицу Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь,
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод,
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому-ль в березовых
Кустах поет сверчок,
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

«О, веруй, небо вспенится,
Как лай сверкнет волна.
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак» . . .

3

Ей, Россияне!
Ловцы вселенной
Неводом зари зачерпнувшие небо —
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле —
Синь.
Бубенцы на шлее —
Звезды.

4

Стихни ветер,
Не лай водяное стекло,
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля,
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, —
Он в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

ИНОНИЯ

ИНОНИЯ

Пророку Иеремии

1

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей.
Так говорит по библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти я
Остригу голубую твердь.
Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.
Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.
Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь Мир . . .
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный,
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные,
Вздыбливаю тебя, земля!
Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую,
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я, дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.
Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!
Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришол Индикоплов.
Все молитвы в твоем часослове я
Проклюю моим клювом слов.
Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранния
Распахивал с солнцем нощь.
Чтобы поле его словесное
Вырощало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!

Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.
Стая туч твоих, по волчьи лающих
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.
Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках Вавилонских мы плакали
И кровавый мочил нас дождь.
Ныне-ж, бури воловьим голосом
Я кричу сняв с Христа штаны
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.
Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По иному над нашей выгибью
Вспух, незримой коровой, Бог.
И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно — Он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.
Все равно, он спалит телением
Что ковало реке брега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.
Новый сойдет Олимпий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук . . .
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.
Коленом придавлю Экватор
И под бури и вихря плач,

Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.
И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.
И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!
Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздиными
Сияние далеких звезд.
Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения.
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.
Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок ещо,
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.
Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив нощь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее чорным дождь.
Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.
За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я чорные щоки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.
Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И как жерди златые вытянет,
Солнце лучи на дол.
Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И как белки, жолтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.
Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.
Говорю тебе, будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя

Колосья твоих хлебов.
И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув взлетит петух.

4

По тучам иду как по ниве я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.
Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.
И тихо под шопот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды,
Светлого Исуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе
Наша правда — в нас!

ПАНТОКРАТОР

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысчи лет те-же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня Господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин,
Я кричу тебе: «к чорту старое!»
Непокорный разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать не даром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси
В колодезь златое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье.
И колокольчиком звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей
Что мы к ним в гости едем.

КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ

КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ

1

Если волк на звезду завыл,
Значит небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Чорные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей жолтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый,
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери.
Даже солнце мерзнет как лужа
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда»,
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек с'ел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? где ещо одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне,
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волоса, —
Половину ноги моей сам с'ем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чом скорбеть,
Значит можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей жолтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришол в этот мир поэт.

Он пришол целовать коров,
Слушать сердцем овсянный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце куст!

СОРОКОУСТ

А. Мариенгофу

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох
Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться
Любо ль, не любо ль, знай бери.
Хорошо когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,

Водит старая мельница ухом
Навострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля ля-ля, тили-ли-гом,
Висит над белым подоконником.
И жолтый ветер осенницы
Не потому ль синь рябью тронув
Как будто бы с коней скребницей
Очосывает листья с кленов.
Идет, идет он страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильней тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес
И за тысчи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Чорт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях,
Только мне, как псаломщику петь
Над родимой страной Аллилуйя.
Оттого то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок
Головой размозжась о плетень
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесанным
С головой как керосиновая лампа на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится когда каменья брани
Летят в меня как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать,
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я как поле и как плоть,
Как дождик что весной взрыхляет зеленя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы наверно стали некрасивыми,
Также боитесь Бога и болотных недр.
О, если-б вы понимали,

Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели
Когда босые ноги он в лужах осенних мокал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки.
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он, теперь, с верхушкою зеленой?
Попрежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп,
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,

Когда у матери, стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по-разу
Ни капельки друг другом ни погребав.

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи цветут в лице глаза.
Стеля стихов злачоные рогожи
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерок зари коса.
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж что кажусь я циником
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришол, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя словно Август
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть жолтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Радуница

	стр.
Край любимый	7
Пойду в скуфье	8
Шол Господь	9
Осень	10
Не ветры осыпают пущи	11
В хате	12
По селу тропинкой кривенькой	13
Гой ты Русь моя	15
Я пастух	16
Сторона ль моя, сторонка	17
Сохнет стаявшая глина	18
Чую радуницу Божью	19
По дороге идут богомолки	20
Край ты мой заброшенный	21
Заглушила засуха засевки	22
Чорная, потом пропахшая выть	23
Топпи да болота	24

Голубень

За темной прядью перелесиц	27
В том краю	28
Я снова здесь	30
Не бродить, не мять	31
О красном вечере задумалась дорога	32
Нощь и поле	33
О, край дождей	34
Голубень	35
Манит ночлег	36
Колокольчик среброзвонный	37
Запели тесанные дроги	38
Не напрасно дули ветры	39
Корова	40

стр.
Под красным вязом 41
Табун 42
О товарищах веселых 44
Весна на радость не похожа 45
Алый мрак 46
Прощай родная пуща 47
Покраснела рябина 48
Твой глас незримый 49
В лунном кружеве украдкой. 50
Там, где вечно дремлет тайна 51
Тучи с ожереба 52
Лисица 54
О Русь, взмахни крылами 55
Гляну в поле 58
То не тучи бродят за овином 59

Преображение

Разбуди меня 63
Где ты, где ты отчий дом 64
О, Матерь Божья 65
О, пашни 66
Нивы сжаты 67
Зеленая прическа 68
Я по первому снегу бреду 69
Серебристая дорога 70
Отвори мне, страж заоблачный. 71
О, верю, верю 72
Песни, песни 73
Вот оно глупое счастье 74
Проплясал, проплакал дождь весенний 75
О, муза, друг мой 76

Трерядница

Я последний поэт деревни 81
Душа грустит о небесах 82
Устал я жить 83
О, Боже, Боже 84
Я покинул родимый дом. 85
Хорошо под осеннюю свежесть. 86
Песнь о собаке 87
Закружилась листва золотая 89
Теперь любовь моя не та 90
По осеннему кычет сова 91

Песни забулдыги

стр.

Песнь о хлебе 95
Хулиган 97
Все живое особой метой 99
Мир таинственный. 100
Сторона ль ты моя 102
Не жалею, не зову 103

Юношеские поэмы

Марфа посадница 107
Микола 111
Русь 115
Ус 119

Февраль

Певущий зов 125
Товарищ 128
Отчарь 133

Господи отелись

Октоих 139
Пришествие 143
Преображение 148

Инония

Инония 155
Пантократор 162

Кобыльи корабли

Кобыльи корабли 167
Сорокоуст 170
Исповедь хулигана. 173

Т И Х О Н О В

Тираж 1000 экз.

АОП1-148

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"
ГИК - 537